

КУЛЬТУРА

*Б.Е. СТЕПАНОВ***Борис Дубин и российский проект
социологии культуры***

Отталкиваться от Элиаса, Бурдьё или от кого-то еще – ход, который может оказаться вполне плодотворным. Но только если прояснены ценности этого исследователя, направлявшие его интерес, если принята в учет его проблемная ситуация, тот разрыв “естественного” понимания, который породил у него именно такие вопросы (гипотезы) и т.д. Лишь тогда исследователь вправе сказать вслед за поэтом: “Там, где они кончили, ты начинаешь”.

Б. Дубин “И снова о филологии”

Критические отклики на работы Б. Дубина и его коллег в большинстве своем оставляют за пределами внимания проект социологии культуры. Систематическое обсуждение реализованного в этих работах подхода к изучению культуры, связанного исследованиями Б. Дубина и Л. Гудкова в области социологии литературы, позволило бы, по мысли автора данной статьи, наметить иную перспективу оценки этого проекта в истории гуманитарного знания последних десятилетий. Вместе с тем внимательное отношение к эволюции проекта дает возможность зафиксировать внутренние напряжения этой концепции, осмысление которых представляется полезным как с точки зрения продуктивной рецепции ее в целом, так и в плане понимания значения работ Дубина 1990-х – 2000-х гг. для развития этого проекта.

Ключевые слова: социология культуры, социология литературы, культурные исследования, массовая литература, институциональный анализ, социологическая поэтика, критическая теория, культурный поворот.

Работы Бориса Владимировича Дубина, как и его коллег по Левада-Центру, практически не обсуждались при его жизни как целостный проект. Единственное исключение, пожалуй, – обсуждение, инициированное редакцией журнала “Osteuropa” и продолжившееся в “Вестнике общественного мнения”, где в 2008 г. были опубликованы статьи М. Габовича и Т. Ворожейкиной, посвященные критике концепций Ю. Левады, Л. Гудкова и Б. Дубина [Габович 2008; Ворожейкина 2008]¹. Показательно, что даже в рамках

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ 2015 г.

¹ Концепция Гудкова и Дубина оказалась в центре обсуждения профессиональной идеологии социологов в 2009 г. на симпозиуме “Пути России” [Пути России 2009]. Развернутые персональные характеристики

содержательного разбора этих концепций речь идет преимущественно о диагностических аспектах их воззрений, связанных с общей проблематикой модернизации и критикой (пост)советского общества, в то время как проблематика социологии литературы и социологии культуры, которой посвящены многие работы Дубина и Гудкова, остается в тени. Этот дисбаланс существенным образом сказывается на восприятии и оценке данных работ. Ниже я хотел бы поразмышлять о судьбе этого проекта и роли Дубина в его реализации, смещая обсуждение их концепции в пространство культурных исследований. Реконструируя историю этого проекта, я хотел бы, с одной стороны, рассмотреть его как одну из манифестаций “культурного поворота” в гуманитарных науках. С другой стороны, эта история побуждает задуматься об особенностях его эволюции и тех внутренних напряжениях, без понимания которых невозможно его настоящее осмысление².

Создание проекта социологии литературы началось в период работы Гудкова и Дубина в секторе по изучению чтения в Государственной библиотеке Ленина [Дубин 2002; Гудков 2002]. Первым значительным результатом этой работы стал библиографический указатель, выпущенный в 1982 г. ИНИОН АН СССР тиражом 800 экземпляров под неброским названием “Книга, чтение, библиотека. Зарубежные исследования по социологии литературы”. Это издание было характерным феноменом советской гуманитарной науки. Как известно, ИНИОН был призван компенсировать закрытость последней, отслеживая новейшие тенденции в западном гуманитарном знании. В этом смысле указатель возник в контексте советской системы научного мониторинга, которая была в некоторых отношениях достаточно эффективной и позволяла формировать адекватный образ современной науки. Вместе с тем сам библиографический формат издания был в условиях цензуры редкой возможностью для разговора о социологии литературы вне идеологических рамок. Однако полностью цензуры не удалось избежать даже здесь: написанное авторами сборника предисловие, призванное обозначить концептуальную рамку формируемой области знания, было удалено из итоговой версии указателя.

Тем не менее сама структура издания уже позволяет оценить масштаб и многомерность разработанного авторами проекта. Наряду с разделом, в котором систематизировались работы, посвященные теоретическим основаниям и методам эмпирического анализа в социологии литературы, остальные разделы намечали пять перспектив осмысления литературы как социального феномена: 1) литература как культурный феномен (место литературы в системе коммуникации, типы литературы и проблематика литературности); 2) социальная организация (“система”) литературы и отдельных институтов (книгоиздание, библиотеки и т.д.); 3) литературная культура как совокупность форм самоопределения и образцов поведения внутри литературной системы; 4) литература как объект культурного анализа (тематизация социального порядка, уровни фиксации значений, жанровые рамки репрезентации); 5) литература как средство социализации [Гудков, Дубин, Рейтблат 1982]. Уже это перечисление свидетельствует о том, что анализ литературы, который является прерогативой филологии, сочетается с осмыслением различных форм ее социальной организации и контекстов бытования, основанном на привлечении как социологических, так и исторических исследований³. Важнейшим для реализации этого проекта фактором, по свидетельству Гудкова, оказался переводческий опыт Дубина: “Основной тягач здесь был, конечно, Дубин со своими пятью или восемью языками” [Гудков 2002, с. 110].

Другим существенным результатом работы группы исследователей стал вышедший в 1983 г. реферативный сборник “Проблемы социологии литературы за рубежом”.

см. [Фрумкина 2005; Бавильский 2000]. Содержательные отклики о книгах Дубина см. также в рецензиях А. Рейтבלата, М. Загидуллиной и др.

² Этот текст, разумеется, ни в коей мере не претендует ни на полноту (тематическую, библиографическую или хроникальную), ни на ту степень подробности, которая необходима для полноценной характеристики этого проекта. Хочу поблагодарить всех участников обсуждения на круглом столе “Работая с текстами Дубина: проект социологии культуры глазами учеников и коллег”, которое стало важным импульсом для создания этого текста.

³ Это позволяет рассматривать данный проект как один из немногих опытов систематической рецепции достижений западного гуманитарного знания.

Здесь в числе прочих обозначилась тема, которой Дубин специально занимался в рамках проекта социологии литературы, – тема литературной классики как ядра литературной системы. Опубликованный в сборнике обзор о проблеме классики, написанный совместно с Н. Зоркой, был, по-видимому, первым опытом написания очерка по исторической социологии культуры – жанра, к которому Дубин неоднократно обращался в своих последующих работах [Дубин, Зоркая 1983]. Тема классики разрабатывалась им и в эмпирическом ключе. Образцовым здесь можно считать проведенное совместно А. Рейтблатом исследование формирования пантеона классиков, материалом для которого стал обширный корпус рецензий в отечественных литературных журналах за более чем 150 лет.

В дальнейшем тема классики оказывается у Дубина в центре критического анализа современной культуры. С этой темой был связан вопрос границ литературного пантеона, которой он занимался и как исследователь, и как переводчик и литературовед, регулярно вводящий новые имена, раздвигая горизонт отечественной словесности. В плане социологического анализа проблема классики позволяла развернуть целый комплекс вопросов, связанных с функционированием института литературы, – начиная от политических функций литературы и ее роли в процессах социализации и заканчивая типами культурного авторитета, бытованием текстов и стратегиями их интерпретации⁴.

До конца 1980-х гг. публикации Гудкова и Дубина, связанные с разработкой проекта по социологии литературы, были рассеяны в малотиражных и периферийных изданиях. Первый опыт по-настоящему систематического представления результатов этой работы появился только в 1992 г. Их совместная книга “Литература как социальный институт” открыла известную “черно-белую” серию издательства “Новое литературное обозрение”, призванную обозначить новые интеллектуальные ориентиры в гуманитарном знании. Собранные в книге статьи можно условно разделить на два блока. В первый из них наряду с введением, исключенным в свое время из указателя “Книга, чтение, библиотека”, вошли тексты, в которых разворачивалась программа социологии литературы. Вторую часть книги составили статьи, посвященные анализу функционирования различных подсистем литературного института в СССР – книгоиздания, журналов, библиотек. Обсуждение этой проблематики стало прологом к критике интеллектуального сообщества [Гудков, Дубин 2009] и отправной точкой для того проекта мониторинга эволюции литературной культуры и культурных институций, который реализовывался авторами уже в постсоветское время (см. [Гудков, Дубин 2001; Дубин 2004] и др.).

В теоретическом плане особенностью программы социологии литературы было последовательное снятие оппозиции между социологической и филологической перспективой изучения литературы. Социологическая проблематика – возьмем ли мы вопрос о репрезентации жизни общества в литературе или организации литературного поля – не вводилась здесь как проекция той или иной модели социального взаимодействия или института, но раскрывалась изнутри проблематики собственно литературной. Отправной точкой в обсуждении процессов модернизации, выступавшие в качестве общей рамки анализа литературы, становилась идея многообразия типов литературы, теоретически осмысленная русскими формалистами в понятии “литературности”. Ролевая структура института литературы интерпретировалась прежде всего через указание на смысловой горизонт каждой из существующих в ней позиций (писателя, критика, литературоведа и т.д.).

Условием диалога филологии и социологии стало критическое осмысление ограниченности концептуальных горизонтов обеих дисциплин, препятствующего разработке более сложных представлений об обществе, литературе и их взаимодействии, введению новых аналитических перспектив и использованию новых источников. Социологическая традиция в этом диалоге была представлена не столько идеями Т. Парсонса и даже не только понимающей социологией М. Вебера, но также и разработками

⁴ Уже в 2000-е гг. эти исследования Дубина стали важным элементом для двух проектов исследований классики в социальном и гуманитарном знании и литературного культа [Классика... 2009; Культ как феномен...2011]. С темой классики была связана и одна из последних книг Дубина [Дубин, 2010].

феноменологии, социологии знания и символического интеракционизма. Филологию и исследования культуры представляли здесь подходы, которые можно обозначить как социологически-релевантные. Эти подходы – будь то обращенная к проблематике опыта рецептивная эстетика или исследование массовых литературных формул – позволяли рассматривать различные аспекты функционирования литературы, и в частности сами литературные тексты, как формы социального действия. Может быть, наиболее показательным с точки зрения реализации этого диалога было то, что приоритетным объектом социологического анализа выступал в рамках этого проекта литературный текст в его эстетических характеристиках, в разнообразии его форм (как тривиальных, так и рафинированных), в его связи с читательским восприятием⁵.

Заявленная в книге программа не только оставляла далеко позади и большинство работ, представлявших советскую социологию культуры и искусства того времени с ее достаточно элементарными социологическими моделями, и традиционную филологию с ее узкими горизонтами и априорными эстетическими иерархиями. Она оказывалась существенно более радикальной в отношении осмысления многообразия текстов и их функций и приближения к проблематике современного общества, чем наиболее продвинутые исследовательские программы в советской филологии, такие как историческая поэтика и семиотика. Заложенный в ней потенциал симбиотического существования филологии и социологии был более высоким по сравнению, например, со сложившейся десятилетием раньше концепцией П. Бурдьё, которая на сегодняшний день – одна из наиболее влиятельных исследовательских программ в области социологии литературы [Каспэ 2015].

Это связано, во-первых, с тем, что можно назвать антропологической перспективой, а также с той существенной ролью, которую играет здесь проблематика социологии знания. В то время как у Бурдьё в центре внимания оказывается социальная игра, связанная с борьбой за власть в поле литературы и определяющаяся реализацией потенциала социальных позиций, для программы социологии литературы Гудкова и Дубина более существенна проблематика значения литературы в различных версиях культуры как антропологического проекта современных обществ. Таким образом, здесь получает свое заслуженное место тема читательского опыта, тривиальной литературы, которая у Бурдьё скорее декларирована, чем разработана. Во-вторых, соотнесение позиций групп и ролей в поле литературы в работах Гудкова и Дубина осуществляется не в контексте конфликта по поводу доминирования и признания той или иной системы категорий, но с точки зрения потенциала и ограниченности ресурсов интерпретации литературы, имеющихся в распоряжении у субъекта в той или иной позиции.

Институциональная перспектива анализа литературы, постановка вопроса о смыслах и различных измерениях социальности последней указывали на основополагающее значение проблематики культуры в социологическом проекте Гудкова и Дубина. В этом смысле развитие их концепции нужно рассматривать в более широком контексте “культурного поворота”, породившего *Cultural studies* и немецкую социологию культуры, под влиянием которой десятилетием позже возникает и американская культуросоциология⁶. Однако, в отличие от Дж. Александера и Ф. Смита, которые лишь в самом общем виде декларируют первостепенную значимость герменевтических (литературоведческих) ориентаций социологии (что соответствует тезису о первичности культурных фактов), в работах Гудкова и Дубина заложена презумпция многообразия исследуемого объекта, девизом которой может выступать известное изречение Вебера о современности как “борьбе богов”. Следствием этого становится как интерес к воз-

⁵ Ср. “Здесь рассматривается лишь один из аспектов – возможность социологического анализа литературного текста, позволяющего в известной мере соединить все прочие компоненты и подходы, обладающие собственной спецификой объяснительной работы в единую дисциплину” [Гудков 1983, с. 11] (см. также [Гудков 1986; Гудков, Дубин, Страда 1998]).

⁶ Характерно наличие у этих программ целого ряда общих интеллектуальных источников – концепция Парсонса, веберизанство и немецкая культурсоциология, а также целый ряд литературоведческих, семиотических и культурантропологических концепций. [Куракин 2010].

никновению и исторической динамике современных представлений о “литературе” и “культуре”, так и потребность в том, чтобы наметить спектр подходов, которые позволяют разворачивать взаимосвязь текстов, категорий оценивания и коммуникативных посредников, агентов и институций⁷.

По свидетельству самого Дубина наиболее благоприятным временем для развития этого проекта стала первая половина 1990-х гг. «К этому времени возник журнал “Новое литературное обозрение”. Я в НЛО печатался с первых номеров. Там начал складываться новый круг, в котором можно было существовать. Мы с Гудковым еще не впряглись в полную силу во вциомовские социологические дела, в “фабрику” и в собственный журнал (наш “Мониторинг” начал выходить тогда же), в проект “Советский человек” и не бросали идею социологии литературы. В круг НЛО входили какие-то продвинутые литературоведы, поздняя тартуская и послетартуская школа. Образовалось единственное для нас общее поле, где обсуждались теория культуры и теория литературы» [Дубин 2002, с. 130]. Кроме того, с середины 1990-х гг. Гудков и Дубин начинают преподавать курс по социологии культуры – сначала в Школе современного искусства, потом в Институте европейских культур (ИЕК), причем в последнем случае их участие в работе Института оказало существенное влияние не только непосредственно на слушателей, но и на саму идеологию этой образовательной программы [Гудков, Дубин 2001].

Отражением этого периода развития проекта стала изданная в 2001 г. книга Дубина “Слово–письмо–литература”. В отличие от систематических очерков, составивших “Литературу как социальный институт”, она объединила статьи, посвященные разнотипным сюжетам – от биографии как культурной формы до рекламы “МММ”. Написанные преимущественно в 1990-е гг., то есть уже в ситуации возможности публичной дискуссии, эти статьи поражали тем же, что в свое время производило впечатление на слушателей курса по социологии культуры, который Гудков и Дубин читали в ИЕК, – своей открытостью по отношению к культуре современности, пафосом постоянного сопряжения “дальних вех и сегодняшних неотложных дел” [Дубин 2001, с. 280]⁸. Актуальные сюжеты постсоветского культурного “обихода” “пространялись” здесь в перспективе осмысления модернизационных сдвигов, тематики, которую автор вслед за Д. Маклелландом обозначал термином “достижительское общество” (успех, биография, социальная и культурная динамика и т.д.).

Одной из ключевых в этом сборнике становится намеченная еще в “Литературе как социальном институте” тема цивилизационных функций массовой культуры [Дубин 2001, с. 306–323]. Точкой отталкивания в ее осмыслении для Дубина выступает защитная реакция интеллектуалов на экспансию масскульта. Эта реакция может проявляться как в снобистском отношении к “масскульту”, в консервативном дистанцировании от масс-медиа (то есть, по сути, – от современности) во имя “проверенной” классики, так и в практике стеба, сказывающейся в том, что культурный авторитет утверждается уже посредством новых медийных возможностей через негативную идентификацию, то есть через осмеяние и снижение любых ценностных значений и символов.

В качестве альтернативы этим реакциям выдвигается идея прозаической миссии интеллектуалов, связанной с методической рационализацией различных форм современной культуры [Гудков, Дубин 2009, с. 9]. Одной из ее форм становится изучение жанров массовой литературы, реализующих программу социологического анализа текста. Свой подход Дубин вслед за П. Медведевым обозначает здесь термином “социологическая поэтика”. В статьях, посвященных эмпирическому изучению жанров – романа-боевика, исторического романа, фантастики, – раскрывается антропологическое

⁷ Более эмпирически выверенную характеристику см. [Jacobs, Spillman 2005]. Было бы интересно сопоставить российский и американский культурсоциологический проекты с точки зрения как рецепции наследия Вебера и Парсонса, так и опытов эмпирического анализа.

⁸ Культурным образцом для Бориса Владимировича здесь, несомненно, выступал бодлеровский “художник современной жизни”. Тема связи теории, истории и современности была одной из сквозных в различных его работах.

значение массовой словесности. Эти статьи показывают, что тривиальная литература требует совершенно нетривиального, но именно литературоведческого анализа, который нельзя заменить ссылками на те или иные внелитературные обстоятельства, но который должен основываться на использовании социологически проработанного инструментария. Причем это демонстрируется не только на материале фантастики, находящейся на границе между жанровой и экспериментальной литературой, но и, возможно, даже в более высокой степени – в рамках анализа такого “примитивного” жанра, как роман-боевик⁹.

Работы Дубина и Гудкова конца 1990-х–начала 2000-х гг. отражают кристаллизацию проекта критического анализа постсоветского общества и вместе с тем демонстрируют сдвиг в сторону более традиционной социологии, связанной с осмыслением данных массовых опросов. Работа культурных институций здесь осмысливается в контексте проблематики формирования и воспроизводства идентичности постсоветского человека. В центр внимания выходят проблемы культурного самоопределения (проблематика солидарности, отношение к западной культуре и т.д.) и формирования конструкции советского прошлого, стержнем которой становится память о Второй мировой войне. Наряду с этим появляется блок статей, призванный зафиксировать результаты постсоветских трансформаций с точки зрения судьбы культурных институций.

Проект социологии литературы претерпевает здесь специфическую трансформацию. Политическая динамика, связанная с нарастающим упадком либерального проекта, сворачиванием конкурентности и стагнацией механизмов отбора элит, церемониальным характером политики, совпадает здесь с динамикой развития систем коммуникации, где деградирующая система литературных институций уступает место телевидению, превращающемуся в главный интегратор российского социума, а затем и новым медиа.

Эта ситуация сказывается на характеристике целого ряда явлений. Формы массовой культуры оцениваются чаще негативно, во-первых, как усредняющие и развлекательные, во-вторых, как транслирующие новые изоляционистские политические конструкции (см., например, [Дубин 2010, с. 76–85, 189–197]). Показательно в этом смысле переосмысление культурного значения романа-боевика. Характеризуя этот жанр как манифестацию индивидуалистической антропологии, в статье 1996 г. Дубин пишет: “Этот крайне важный для структуры личности и ее социальной жизни смысловой, культурный, цивилизационный дефицит и заполняет сегодня, как уже не раз приходилось писать, массовая культура, один из образцов которой – исследовавшийся здесь роман-боевик”. И далее: «...важно не забывать, что через подобные игровые механизмы... происходит “игровая” социализация реципиента к целому набору значений, для него пусть и новых, но относящихся уже к обиходу поведения как такового, к цивилизационной повседневности» [Дубин 2001, с. 240]. Эта последняя цитата раскрывает две важные предпосылки анализа – инновационный потенциал массовой культуры и культурное значение той системы условностей, в рамках которой боевик доносит эти новые ценности до читателя.

Между тем в работах начала 2000-х гг. мы находим уже существенно иные оценки этого жанра: «...после краха советской организации культуры хлынул поток ранее репрессированной жажды “дефицита” в самых разных его проявлениях – образов благополучной, сытой и спокойной жизни, дамских переживаний или мелких, но занимательных интриг, преступлений, лишь оттеняющих через нарушение нормы всю стабильность нормативного порядка в целом или же – изживания комплексов ущемлен-

⁹ Эти работы стали практической реализацией программы социологического исследования текстов, намеченной в “Литературе как социальном институте” и других работах 1980-х гг. Как отмечала Б. Менцель в своем докладе “Немецкий Борис Дубин: перевод как стратегия инновации”, они оказались новаторскими, в том числе и для немецкой научной традиции. Как реализацию этого подхода применительно к области “высокой” модернистской литературы можно, по-видимому, рассматривать работы Дубина, собранные в книге “На полях письма” [Дубин 2005]. Впрочем, их рассмотрение должно стать предметом отдельного разговора.

ности, ностальгии, разнообразного опыта неудачи, составляющих сюжетику боевиков и детективов, которые сегодня читают и смотрят. Нынешнее же смысловое пространство культуры размечено разнообразными “братками”, “братьями”, “батьнями-комбатами”, батюшками и, соответственно, чеченцами, продажными депутатами, новыми русскими, дорогими шлюхами и пр. или же перелицовкой старых классовых врагов, как это делает Н. Михалков и ему подобные эпигоны» [Гудков, Дубин 2002, с. 48]¹⁰.

Все более неоднозначным в этой ситуации выглядят и трансформации культурных институций в постсоветский период: деидеологизация и разгосударствление культуры, возросшее разнообразие литературного и культурного рациона оказываются в ситуации упадка литературных институтов лишь внешними. Уход советского общества связан с сокращением культурно-активных сообществ и механизмов дифференциации культуры, а сама культурная активность все более приобретает симулятивный характер.

Притом что именно в работах Дубина проблематика культуры – будь то функционирование массмедиа или фигура свидетеля в контексте воспроизводства исторической памяти – остается в центре внимания, меняется сама перспектива ее анализа. Связь культурной сложности с системой литературных институтов задает перспективу, в которой герменевтический анализ современной культуры, массовых текстов оказывается все менее актуальным. Приоритет данных опросов по сравнению с культурными текстами указывает на то, что вектором развития исследований становится не различение, а обобщение. В этой ситуации симптоматичен и интерес Дубина к проработке общих моделей культуры модерна, которые должны выступать отправной точкой для критического осмысления постсоветской ситуации. Показательными с точки зрения изменившегося понимания современности можно считать два методологических акцента, которые мы находим в его работах этого периода.

С одной стороны, Дубин весьма скептически оценивает потенциал антропологических методик исследования культуры, использование которых для представителей *Cultural studies* выступало залогом возможности осмысления многообразия современной культуры. По его мнению, их использование чревато опасностью упрощенного представления о предмете исследования, поскольку культура при этом сводится к рутинным и традиционным действиям, представляется уже как нечто готовое, как прошлое, что ведет к упрощению исследовательских методик [Дубин 2004, с. 283–285; Дубин 2010, с. 231–232]. С другой стороны, переосмыслению подвергается и понятие игра, почерпнутое им в концепции Ю. Левады. Если в текстах, вошедших в книгу “Слово–письмо–литература”, это понятие используется для обозначения сложности, культурной нагруженности и опосредованности социального действия, то в поздних статьях в интерпретации этого понятия актуализируются, в частности, значения церемониальности и ритуальности, существенные в контексте характеристики позднесоветского и постсоветского общества [Дубин 2010, с. 294].

Эти соображения подводят к тому, что, пользуясь одним из любимых словечек Бориса Владимировича, можно назвать “швами”, “рубцами” этой концепции Гудкова и Дубина, позволяют указать на существующее в ней напряжение между различными перспективами изучения литературы и культуры: анализом социальных и культурных институтов, с одной стороны, и институционально-ориентированным изучением культурной коммуникации – с другой. Это напряжение заметно и в отношениях между проектом Гудкова и Дубина и работами исследователей, на которых эта концепция оказала влияние: последние гораздо больше инспирированы интересом к явлениям, не вполне институционализированным и/или тесно связанным с современным медийным контекстом, – будь то культовое кино, городская повседневность, фантастика, современный театр, фотография, интернет-литература и т.д. Намечающееся здесь расхождение вполне укладывается в контекст дискуссии о культурном популизме, которая

¹⁰ Эта формулировка воспроизводится и в других публикациях. В других работах Дубина можно найти более нейтральные характеристики места этого жанра в трансформации массовой литературы в России (см. [Дубин 2004, с. 130–131; Дубин 2010, с. 43–46]).

развернулась в англоязычных *Cultural studies* на рубеже 1980 – 1990-х гг. и получила новое звучание в связи с развитием новых медиа и культурных индустрий, формированием таких явлений, как культура участия (*participatory culture*) и т.д. [Turner 2012, р. 85–118]. Дискуссия о культурном популизме была инспирирована нараставшим в этот период сдвигом в исследованиях культуры, связанным с переходом от критически ориентированного анализа производства культуры к антропологическому изучению культурного потребления и популярной культуры. Некоторыми представителями культурных исследований, среди которых были и лидеры Бирмингемской школы, этот переход был воспринят как отказ от критической миссии, которая воспринималась как неотъемлемый атрибут исследовательской программы *Cultural studies* [Сменанов 2014, с. 26–29]. Дискуссия о культурном популизме задает рамки самоопределения современных исследователей культуры в самых разных планах, начиная от предметных (оценка динамического потенциала современности, презумпции относительно целостности и внутренней дифференцированности культуры, автономии субъекта и т.д.) и заканчивая теоретическими и рефлексивными (соотношение исследования и критики, ценность различных методов и данных, понимание характера взаимодействия дисциплин)¹¹. Учет этих рамок может быть полезным подспорьем для соотнесения различных исследовательских опытов в их восприятии современности, в том, как в них разрешается напряжение между критическим посылом и герменевтическими задачами, наконец в том, какое понимание социальности (и) культуры они разделяют.

Обращение к проблематике культуры задает и новую перспективу обсуждения разработок Гудкова и Дубина как проекта критического анализа постсоветского общества. Упреки в теоретической герметичности и отсутствие сравнительной перспективы, высказываемые их критиками, отчасти справедливы. В этом смысле насущной задачей становится осмысление возможностей и границ этого критического проекта с учетом антропологического и культурного многообразия советской и постсоветской культуры, которое зафиксировано в рамках западной, и в частности американской, славистики как результат дискуссий о субъективности в советской культуре, характере российской и советской модернизации и ее исторических альтернативах и т.д. Вместе с тем очевидно, что в оценке этого проекта необходимо принимать во внимание не только общие характеристики постсоветского общества, но также адресоваться к специфически культурной проблематике: теоретическим конструкциям современной культуры (проблематика Другого, воображения, литературного авангарда и т.д.) и результатам эмпирических исследований культуры (мониторинга культурных институций, анализ механизмов социальной памяти, социальных функций текстов и символических конструкций).

Более внимательному анализу должен быть подвергнут проект социологии литературы, во многих отношениях заявленный на уровне эскиза. Потенциал этого проекта, составляющий ядро проекта социологии культуры, необходимо осмыслять уже в сегодняшнем теоретическом контексте, когда, по мнению ряда западных исследователей, социология литературы в том виде и в тех границах, в которых она существовала в 1970–1980-е гг. уже утратила свою актуальность, отдав свои функции культурным исследованиям (*Cultural studies*), а исследования по этой тематике обращаются зачастую к другим образам общества и другим образам литературы [McGurl 2010, р. 333; English 2010]. Многие темы и идеи этого проекта (такие, например, как идея социологической поэтики), очевидно, и в сегодняшнем западном контексте выглядят вполне актуально [Frow 2010]. Но, видимо, самой актуальной остается мысль о том, что проблемная ситуация, в которой эти идеи могут быть актуализированы, должна быть определена заново.

¹¹ Дискуссию о культурном популизме можно рассматривать как развертывание противоречий, заложенных в самой идее культуры (см. об этом [Гудков 1994, с. 136–138]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бавильский Д. (2000) Утопия Б.Д. // Знамя. № 9. С. 214–221.
- Ворожейкина Т.Е. (2008) Ценностные установки или границы метода? // Вестник общественного мнения. № 4. С. 62–69.
- Габович М. (2008) К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Вестник общественного мнения. № 4 (96). С. 50–61.
- Гудков Л.Д. (1994) Метафора и рациональность как проблемы социальной эпистемологии. М.: Русина.
- Гудков Л.Д. (2002) “Работа вела меня за собой...” // Социологический журнал. № 2. С. 106–118.
- Гудков Л.Д. (1986) Трансформация ценностных оснований исследования в процессе формирования научной дисциплины: пример социологии литературы // Дисциплинарность и взаимодействие наук. М.: Наука. С. 192–212.
- Гудков Л.Д. (1983) Эволюция теоретических подходов в социологических исследованиях литературы // Проблемы социологии литературы за рубежом. М.: ИНИОН. С. 9–39.
- Гудков Л., Дубин Б. (2002) Институциональные изменения в литературной культуре России (1990–2001 гг.) // Мониторинг общественного мнения. № 6. С. 43–55.
- Гудков Л., Дубин Б. (2009) Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. СПб.: изд-во Ивана Лимбаха.
- Гудков Л., Дубин Б. (1994) Литература как социальный институт М.: Новое литературное обозрение.
- Гудков Л., Дубин Б. (2001) Молодые “культурологи” на подступах к современности // Новое литературное обозрение. № 50 (4). С. 147–167.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В. (2005) Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // Новое литературное обозрение. № 74. С. 166–202.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Рейтблат А.И. (1982) Книга, чтение, библиотека. Зарубежные исследования по социологии литературы. Аннотированный библиографический указатель за 1940–1980 гг. М.: ИНИОН.
- Гудков Л., Дубин Б., Страда В. (1998) Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГГУ.
- Дубин Б.В. (2002) “...Если можно назвать это карьерой, пусть это будет карьерой” // Социологический журнал. № 2. С. 121–123.
- Дубин Б. В. (2004) Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры М.: Новое издательство.
- Дубин Б. (2010) Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре. М.: Новое литературное обозрение.
- Дубин Б. (2005) На полях письма. Заметки о стратегии мысли и слова в XX в. М.: Emergency Exit.
- Дубин Б.В. (2011) Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. М.: РОССПЭН.
- Дубин Б. (2001) Слово–письмо–литература. Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение.
- Дубин Б.В., Зоркая Н.А. (1983) Идея “классики” и ее социальные функции // Проблемы социологии литературы за рубежом. М.: ИНИОН. С. 40–82.
- Каспэ И. (2015) Как возможна литература? Как возможна социология литературы не по Бурдьё? // Новое литературное обозрение. № 132 (2) (<http://nlobook/node/6143>).
- Классика и классики в социальном и гуманитарном знании (2009) М.: Новое литературное обозрение.
- Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель (2011) М: ИМЛИ РАН.
- Куракин Д. (2010) “Сильная” программа в культурсоциологии: историко-социологические, теоретические и методологические комментарии. Послесловие редактора выпуска // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. С. 155–178.
- Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения (2009) Т. XVI. М.: Университетская книга.
- Степанов Б.Е. (2014) “Как беззаконная комета...”: культурные исследования в поисках академической идентичности. Препринт. Серия WP6/2014/03 (Гуманитарные исследования). М.: НИУ ВШЭ.
- Фрумкина Р. (2005) Что видится на расстоянии? // Знамя. № 7. С. 172–182.
- English J. F. (2010) Everywhere and Nowhere: the Sociology of Literature After “the Sociology of Literature” // New literary history. Vol. 41 (2), pp. V–XXIII.

- Frow J. (2010) On midlevel concepts // *New Literary History*. Vol. 41 (2), pp. 237–252.
- Jacobs M., Spillman L. (2005) Cultural sociology at the crossroads of the discipline // *Poetics*. Vol. 33 (1), pp. 1–14.
- McGurl M. (2010) Ordinary Doom: Literary Studies in the Waste Land of the Present // *New Literary History*. Vol. 41 (2), pp. 329–349.
- Turner G. (2012) *What's Become of Cultural Studies?* London: Sage.

Boris Dubin and the Project of Cultural Sociology in Russia

*B. STEPANOV

* **Stepanov Boris** – leading research fellow, Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitkaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: bstepanov@hse.ru.

Abstract

The cultural sociology project developed by Boris Dubin and his colleagues had often remained out of frames in the discussion of theirs works. Thorough consideration of the principles of cultural analysis based on the works of Boris Dubin and Lev Gudkov in the field of literature sociology can give according to the author an opportunity to reevaluate the place of this project in the history of the humanities in the last decades. However, the study of its evolution reveals some conceptual tensions whose further discussion seems useful both for the productive reception of this project and for the comprehension of the significance of works written by Dubin in 1900s and 2000s for the development of this project.

Keywords: Cultural sociology, sociology of literature, cultural studies, mass culture, institutional analysis, sociological poetics, critical theory, cultural turn

REFERENCES

- Bavil'skij D. (2000) Utopija B.D. [Utopia of B.D.] *Znamja*, no. 9, pp. 214–221.
- Dubin B.V. (2002) “...Esli možno nazvat' jeto kar'eroj, pust' jeto budet kar'eroj” [“...if you can call it a career, let it be career “] *Sociologicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 121–123.
- Dubin B.V. (2004) *Intellektual'nye gruppy i simvolicheskie formy: Očerki sociologii sovremennoj kul'tury* [Groups of intellectuals and symbolic forms: Essays on the sociology of contemporary culture] Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Dubin B. (2010) *Klassika, posle i rjedom: Sociologicheskie očerki o literature i kul'ture* [Classics, after and nearby: Sociological essays on literature and culture] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Dubin B. (2005) *Na poljah pis'ma. Zametki o strategii mysli i slova v XX v.* [On the margins of the writing. Notes on the strategy of thought and expression in the twentieth century] Moscow: Emergency Exit.
- Dubin B.V. (2011) *Rossija nulevyh: politicheskaja kul'tura, istoricheskaja pamjat', povsednevnaja zhizn'* [Russia in noughties: political culture, historical memory, everyday life] Moscow: ROSSPEN.
- Dubin B. (2001) *Slovo – pis'mo – literatura: Očerki po sociologii sovremennoj kul'tury* [Word–writing–Literature: Essays on the sociology of contemporary culture] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Dubin B.V., Zorkaja N.A. (1983) *Ideja “klassiki” i ee social'nye funkicii* [The idea of the “classics” and its social function] *Problemy sociologii literatury za rubezhom* Moscow: INION, pp. 40–82.
- English J.F. (2010) Everywhere and Nowhere: the Sociology of Literature After “the Sociology of Literature”. *New literary history*, vol. 41 (2), pp. V–XXIII.
- Frow J. (2010) On midlevel concepts. *New Literary History*, vol. 41 (2), pp. 237–252.

- Frumkina R. (2005) Chto viditsja na rasstojan'ii? [What is seen from a distance?] *Znamja*, no. 7, pp. 172–182.
- Gabovich M. (2008) K diskussii o teoreticheskom nasledii Jurija Levady [To the discussion on the theoretical heritage of Yuri Levada] *Vestnik obshhestvennogo mnenija*. no. 4 (96), pp. 50–61.
- Gudkov L.D. (1983) Evolucija teoreticheskikh podhodov v sociologicheskikh issledovanijah literatury [The evolution of theoretical approaches in sociology of literature] *Problemy sociologii literatury za rubezhom* [Problems of the sociology literature abroad] Moscow: INION, pp. 9–39.
- Gudkov L.D. (1994) *Metafora i racional'nost' kak problemy social'noj jepistemologii* [Metaphor and rationality as the problems of social epistemology] Moscow: "Rusina".
- Gudkov L.D. (2002) "Rabota vela menja za soboj..." ["The work led me along ..."] *Sociologicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 106–118.
- Gudkov L.D. (1986) Transformacija cennostnyh osnovanij issledovanija v processe formirovanija nauchnoj discipliny: primer sociologii literatury [Transformation of basic research values research in the process of disciplinary formation: example of sociology of literature] *Disciplinarnost' i vzaimodejstvie nauk* [Disciplinary and interaction Sciences] Moscow: Nauka, pp. 192–212.
- Gudkov L., Dubin B. (2009) *Intelligencija. Zametki o literaturno-politicheskikh illuzijah* [Intelligencija: Notes on the literary and political illusions] St. Petersburg: izd-vo Ivana Limbaha, 2009.
- Gudkov L., Dubin B. (1994) *Literatura kak social'nyj institut* [Literature as a social institution] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Gudkov L., Dubin B. (2001) Molodye "kul'turologi" na podstupah k sovremennosti [Young cultural researchers on the approach routes to the modernity] *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 50 (4), pp. 147–167.
- Gudkov L., Dubin B. (2002) Institucional'nye izmenenija v literaturnoj kul'ture Rossii (1990–2001 gg.) [Institutional changes in the literary culture of Russia (1990–2001)] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija*. no. 6, pp. 43–55.
- Gudkov L.D., Dubin B.V. (2005) Rossijskie biblioteki v sisteme reproduktivnyh institutov: kontekst i perspektivy. [Russian libraries in the reproductive system of institutions: context and prospects]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 74, pp. 166–202.
- Gudkov L.D., Dubin B.V., Rejtlat A.I. (1982) *Kniga, chtenie, biblioteka: Zarubezhnye issledovanija po sociologii literatury: Annotirovannyj bibliograficheskij ukazatel' za 1940–1980 gg.* [Book, reading, library: Foreign research on the sociology of literature: Annotated bibliography for 1940–1980] Moscow: INION.
- Gudkov L., Dubin B., Strada V. (1998) *Literatura i obshhestvo: vvedenie v sociologiju literatury* [Literature and Society: an Introduction to the Sociology of Literature] Moscow: RGGU.
- Jacobs M., Spillman L. (2005) Cultural sociology at the crossroads of the discipline. *Poetics*, vol. 33 (1), pp. 1–14.
- Kaspe I. (2015) Kak vozmozhna literatura? Kak vozmozhna sociologija literatury ne po Burd'e? [How literature is possible? Can we have the sociology of literature which won't be after Bourdieu?] *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 132 (2) (<http://www.nlobooks/node/6143>).
- Klassika i klassiki v social'nom i gumanitarnom znanii* (2009) [Classical and classics of social sciences and humanities] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kul't kak fenomen literaturnogo processa: avtor, tekst, chitatel'* (2011) [The cult as a phenomenon of the literary process: the author, the text, the reader] Moscow: IMLI RAN.
- Kurakin D. (2010) "Sil'naja" programma v kul'tursociologii: istoriko-sociologicheskie, teoreticheskie i metodologicheskie kommentarii. Posleslovie redaktora vypuska ["Strong" program in cultural sociology: historical and sociological, theoretical and methodological comments. Afterword of the volume editor] *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 9, no. 2, pp. 155–178.
- McGurl M. (2010) Ordinary Doom: Literary Studies in the Waste Land of the Present. *New Literary History*, vol. 41 (2), pp. 329–349.
- Puti Rossii: sovremennoe intellektual'noe prostranstvo: shkoly, napravlenija, pokolenija* (2009) [The Paths of Russia: modern intellectual space: schools, movements, generations], vol. XVI. Moscow: Universitetskaja kniga.
- Stepanov B.E. (2014) "Kak bezzakonnaja kometa...": kul'turnye issledovanija v poiskah akademicheskoi identichnosti ["Like a Lawless Comet...": Cultural Studies in the Search for Academic Identity] Preprint. Serija WP6/2014/03 (Gumanitarnye issledovanija) Moscow: HSE.
- Turner G. (2012). *What's Become of Cultural Studies?* London: Sage.
- Vorozhejkina, T.E. (2008) Cennostnye ustanovki ili granicy metoda? [Value system or the boundaries of method?] *Vestnik obshhestvennogo mnenija*, no. 4, pp. 62–69.